

63.410)

П-43

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Реконструкция
и интерпретация
древних
идеологических
представлений

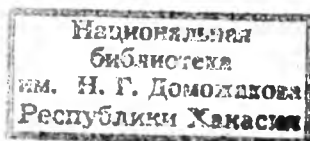
771165

Российская академия наук
Институт археологии

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Реконструкция
и интерпретация
древних
идеологических
представлений

Сборник статей

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1999

И.Л.Кызласов

Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников

В нашей науке до сих пор не осознается существование в изучаемых нами древностях одной особой категории погребальных памятников. Ее составляют захоронения, совершенные в разнообразных естественных, но нередко подработанных или полностью рукотворных скальных полостях: в пещерах, гротах, нишах, расщелинах. Назовем эту категорию погребений «скальными захоронениями».

Общеизвестны палеолитические пещерные погребения, надежно отмечаемые уже для мустьерской эпохи и составляющие самостоятельную область первобытной археологии [Смирнов Ю.А., 1991; Леонова Н.Б., 1986]. Однако до сих пор не принимается в расчет, что они представляют собой хотя и самое раннее, но все же частное проявление общей, постоянно существовавшей и существующей в истории человечества, а значит, и самостоятельной разновидности захоронений.

Ее упоминания, описания особенностей изучения нет ни в наших учебниках полевой работы, ни в основных документах и рекомендациях Полевого комитета. Систематика захоронений, представленная в этих обобщающих изданиях, насчитывает всего две категории: «Древние погребения подразделяются на могилы, не имеющие насыпей, и курганы, имеющие могильные холмы» (см. [Авдусин Д.А., 1959; 1980, с. 44]; соответственно гл. 3 «Раскопки древних погребений» имеет разделы «Раскопки могильников» и «Раскопки курганов», с. 113—166 и с. 97—103; как надмогильные памятники выделяются дольмены, с. 103—104; пещеры же рассмотрены только в качестве древних стоянок, с. 77—81). В «Инструкции к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок» [Инструкция, 1949] погребальные памятники вовсе не выделялись, в «Сборнике руководящих и справочных материалов» [Охрана, 1949, с. 62] речь

идет лишь о грунтовых могильниках и курганах. Установки послевоенных документов прямо унаследованы более поздними: в перечне поселений [Инструкция, 1963, § 296, 30] называются стоянки, городища, города и селища, а в перечне погребальных памятников — только курганы, отдельные могилы и грунтовые могильники [Положение, 1991, § 34, 36, 41: курганные и грунтовые могильники]. Созданные специальные разработки также посвящены только этим двум категориям погребальных памятников [Грязнов М.П., 1961; Плетнева С.А., 1983; Седов В.В., 1983].

Следует заметить, что в осознании факта существования особых скальных захоронений мы, пожалуй, отошли назад от уровня российской археологии начала века. И произошло это как в целом в археологии (ср. [Городцов В.А., 1914, с. 28—34], специальный раздел VII «Раскопки пещер» имеет рубрику «Исследование искусственных пещер»), так и в сибиреведении. Если в программе для краеведов 1929 г. пещеры выделены как особый род памятников и содержится требование отмечать, нет ли в них костей человека [Ауэрбах Н.К., 1929, с. 14], то в университетском пособии 1989 г. упоминание о пещерных захоронениях не встречается, сами пещеры находим лишь в разделе «Поселения» под рубрикой «Стоянки», погребения же выступают лишь как вид сооружений [Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989, с. 5—10, ср. с. 28, 31, 49—76].

Ни студенты, осваивающие археологию, ни опытные экспедиционные руководители не готовы к направленному поиску и раскопкам таких погребений. В результате они практически не учитываются как самостоятельное явление при любых уровнях нашей научной деятельности. Не приходится говорить, как неполны бывают результаты такой работы — будь то сугубо систематизаторские размышления или стремление воссоздать картину конкретной истории тех или иных земель либо периодов. Даже палеолитоведы, специально подготовленные к обследованию горных полостей, нередко не придают должного значения фактам обнаружения там человеческих костей и изделий более поздних эпох.

Причины этого, возможно, в какой-то мере связаны с тем, что захоронения в природных или рукотворных горных пустотах, на деле давно и систематически изучаемые археологами в каждом отдельном случае, нередко предстают вполне обособленным и цельным в культурном отношении явлением. Таковы, например, хорошо изученные катакомбные гробницы Северного Кавказа или пещерные гробницы Центральной и Южной Америки. Там они представлены в рамках определенных археологических культур и хронологических пределов, обрядовые черты не переходят этих рамок, нередко не имеют истоков и продолжений в иных периодах или местных категориях захоронений. Однако эти случаи не создают полной картины.

Рис. 1. Распространение скальных захоронений на территории Хакасско-Минусинской котловины:

1 — пещера в устье р. Караульной; 2 — Бирюсинские пещеры; 3 — пещера у улуса Подкамень; 4 — Кошулацкая пещера; 5 — Демидовская пещера; 6 — пещера у улуса Верх-Биджа; 7 — пещера на р. Чибижек; 8 — Баджейская пещера; 9 — Базинская пещера; 10 — пещеры горы Сюс-Кюмес-Талхан; 11 — Бородинская пещера; 12 — пещера у д. Бузуновой; 13 — Тепсейская пещера; 14 — скалы у д. Листвягово; 15 — скалы у с. Кавказское; 16 — Джебская пещера; 17 — пещера в верховьях р. Тёи; 18 — гроты скалы Узун хая; 19 — детские захоронения на р. Аскиз; 20 — грот у улуса Доможакова

На примере южносибирских древностей можно очень наглядно показать существование скальных захоронений как самостоятельной категории погребальных памятников. Здесь они существуют наравне с курганными или грунтовыми захоронениями практически повсеместно и постоянно, нередко в рамках одних и тех же археологических культур.

Обычность и распространенность скальных погребений на территории Хакасско-Минусинской котловины подтверждают имеющиеся в литературе многочисленные свидетельства о человеческих костях, находимых в пещерах (рис. 1). Большинство из них нельзя отнести к тому или иному периоду или культуре.

Первые сообщения о подобных находках относятся к концу XVIII в. Иван Пещенко в 1797 г., отыскивая селитру и осмотрев пещеры близ заимки Колмогоровой у селения князца Тайдонова на Черном Июсе,

полагал: «...как же в оных пещерах попадаются человеческие кости, то и должно думать, что есть причиной находящейся тамо земли, производящей селитру». Это заключение, опубликованное в 1886 г. [Бранденбург Н.Е., 1886, с. 83], привлекло внимание П.С.Проскурякова и побудило его летом 1888 г. посетить пещеры по Черному и Белому Июсам. На первой реке, близ улуса Подкаменного (рис. 1, 3), в одной из трех обследованных пещер им были обнаружены человеческие скелеты — в разных местах он сообщает то о трех [Проскуряков П.С., 1889, с. 32, 33], то о четырех: «...пещера отстоит от улуса Подкаменного верстах в 8; находится также (как и пещеры, изученные перед этим. — *И.К.*) в гранитной скале и известна у инородцев под именем костяной пещеры, вследствие нахождения в ней человеческих костей. Размеры этой пещеры также невелики — в глубь скалы 4 с[аж.] 2 ар[шин.], ширина от 1,5 до 3 саж. и высота от 1 до 3 саж. Найденные нами кости действительно принадлежали 4 человеческим скелетам и находились на ограниченной площади около входа в пещеру. Некоторые кости лежали на поверхности, другие среди гранитного щебня до глубины 1 аршина... Беспорядок в положении костей был настолько велик, что невозможно судить о первоначальном положении скелетов, да и само присутствие их здесь может быть только случайное, так как никаких признаков обитаемости эта пещера не заключает в себе. В этой пещере не найдено ни одной даже кости какого-нибудь животного» [Проскуряков П.С., 1890, с. 21, 22]. Вопреки мнению исследователя о случайности его находок (еще и сегодня не редкому), полагаю вполне очевидным, что П.С.Проскуряков встретил в черноиюсской скальной полости остатки древних погребений.

По данным современных красноярских спелеологов, кости человека встречены и в других пещерах хребта Кузнецкого Алатау: Демидовской и Кошкулакской (рис. 1, 4, 5). В последней, расположенной на Белом Июсе в 9 км к югу от улуса Малый Топанов, найдены два человеческих черепа [Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Добровольский М.Н., 1974, с. 74]. Явные остатки погребений обнаружены и в пещерах Батенёвского кряжа, в отрогах Абаканского хребта (в Базинской и Бородинской — рис. 1, 9, 11) [Оводов Н.Д., 1980, с. 103], в горе Тепсей на правом берегу Енисея (рис. 1, 13) [Адрианов А.А., 1910, с. 36, 37]. По сообщению Н.В.Леонтьева, кости подростка были в середине 70-х годов обнаружены рыбаками в горной расщелине, скрытой скальным карнизом, близ д. Листвягово (рис. 1, 14). У другого села, расположенного на р. Тубе, Кавказского (рис. 1, 15), в каменистой осыпи под писаницей самим исследователем были выявлены детские кости. Сделаны подобные находки на северном и восточном рубежах Хакасско-Минусинской котловины. Так, остатки скелета встречены в одной из Бирюсинских пещер (рис. 1, 2) [Еленев А., 1886, с. 165, 198, № 99, 100], человеческие кости — в пещерах Джебская и Баджейская или

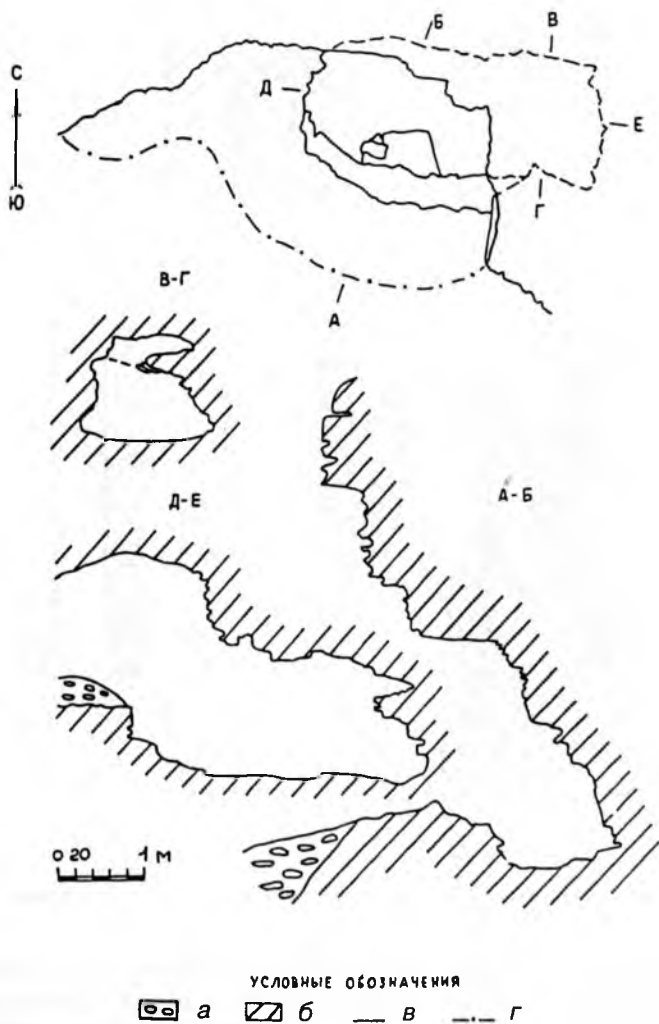

Рис. 2. Узун хая. План и разрезы грота I: а — слой щебня, б — скала, в — очертания грота в плане, г — граница площадки

Ледяная (рис. 1, 8, 16) в отрогах Восточного Саяна [Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Добровольский М.Н., 1974, с. 15].

Уяснение ситуации начнем с весьма показательного в этом отношении комплекса — захоронения в гроте I скалы Узун хая (левый берег р. Есь, левого притока Абакана — рис. 1, 18). Оно случайно найдено чабанами в 1968 г. Коллекция поступила в краеведческий музей

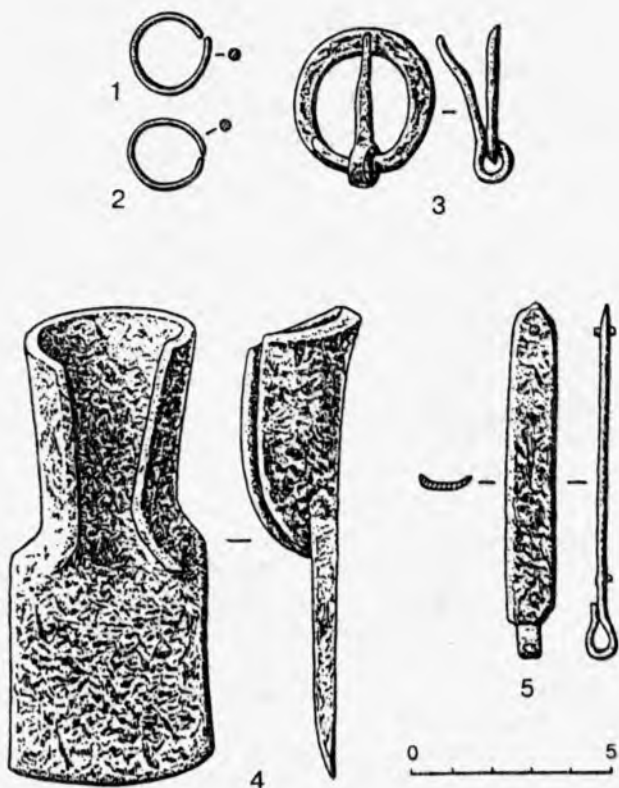

Рис. 3. Узун хая, грот I. Бронзовые (1, 2) и железные (3–5) изделия

в г. Абакан (инв. № 395) и существенно пополнилась при исследовании памятника в 1976 г. экспедицией Московского университета. Тогда же были раскопаны соседние гроты II и III [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1977].

Это — естественные гроты, образовавшиеся на линии контакта подстилающих пород девонского песчаника и верхней пачки серо-голубых сланцев. Для совершения захоронений скалы под навесами были намеренно подработаны. В днище грота I, у его дальней стенки было выбито углубление (размерами 3,43 × 1,4 м), вытянутое с запада на восток поперек грота (рис. 2). Согласно сохранившимся сведениям, весь грот был плотно заложено плитняком. К моменту археологического обследования заполнение скальной ниши было почти полностью выброшено наружу, образовав отвал с южной стороны.

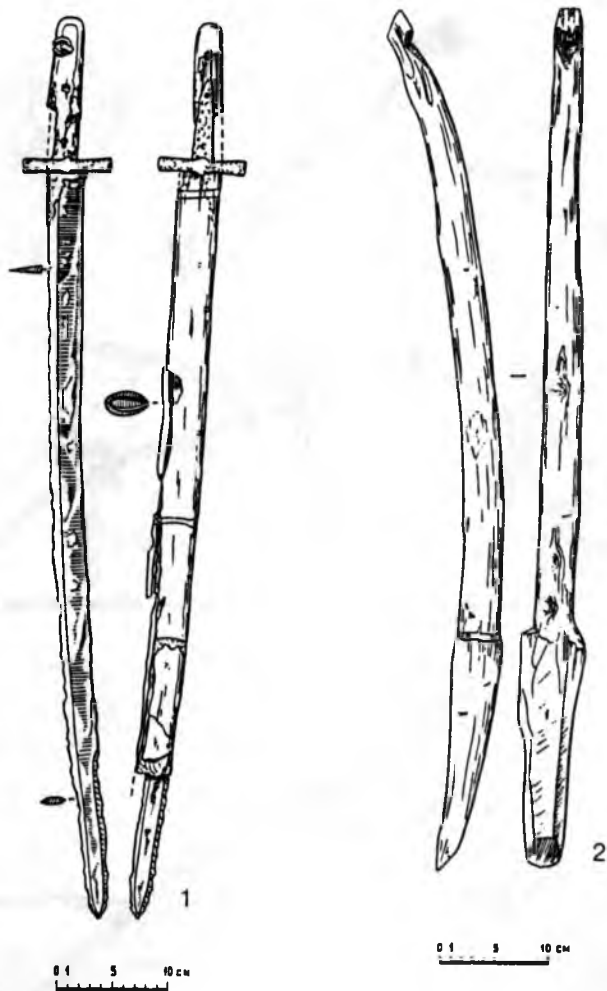

Рис. 4. Узун хая, грот I. Палаш с ножнами (1 — железо и дерево) и деревянная корнекопалка (2)

Благодаря природной сухости и искусственной изоляции грота в нем уцелело большое количество органических материалов. Первоначально в гробнице находилось мумифицировавшееся захоронение мужчины, головы и шкуры белого коня и туши белого барана. Здесь найдены остатки шелковой одежды, высоких кожаных сапог, шерстяного ковра на войлочной основе, тростниковой циновки и многочисленные предметы: тесло с рукояткой (рис. 3, 4), корнекопалка (рис. 4, 2), нож и палаш в ножнах (рис. 4, 1), полный сложный лук, берестяной

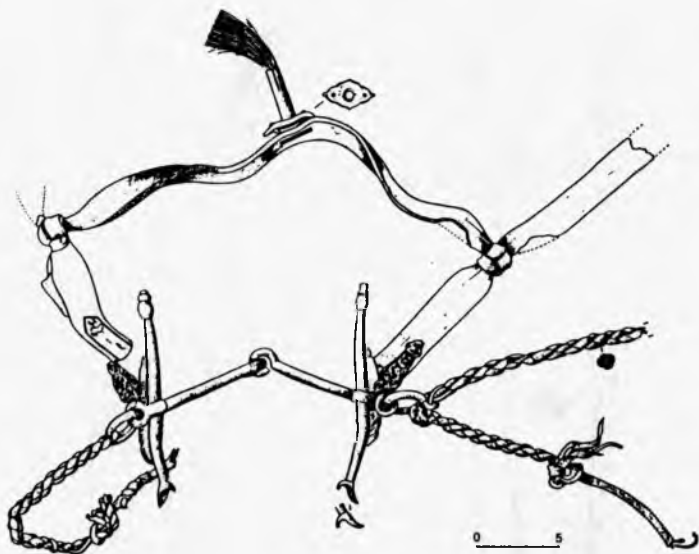

Рис. 5. Узун хая, грот I. Остатки узды (кожа, железо, конский волос)

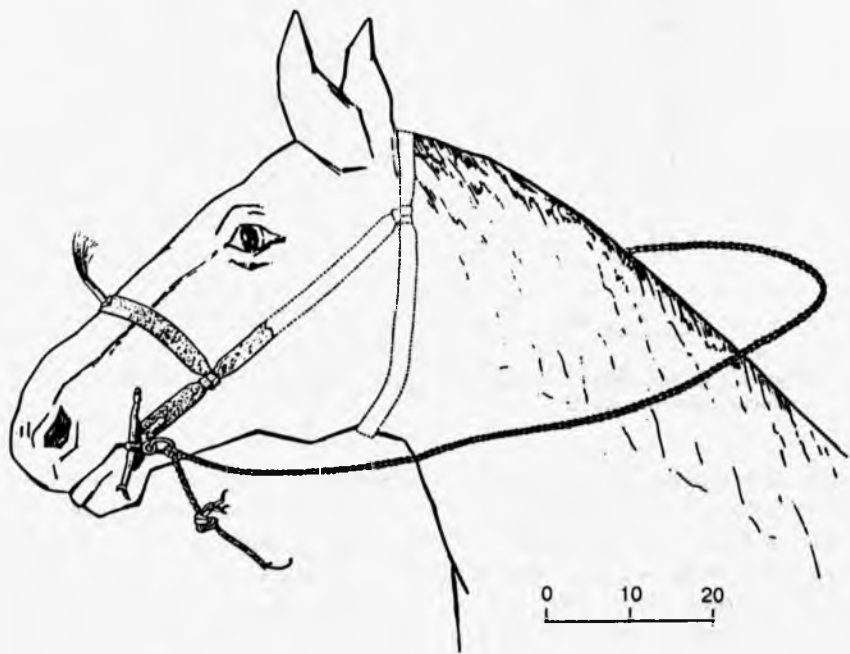

Рис. 6. Реконструкция узды из грота I скалы Узун хая

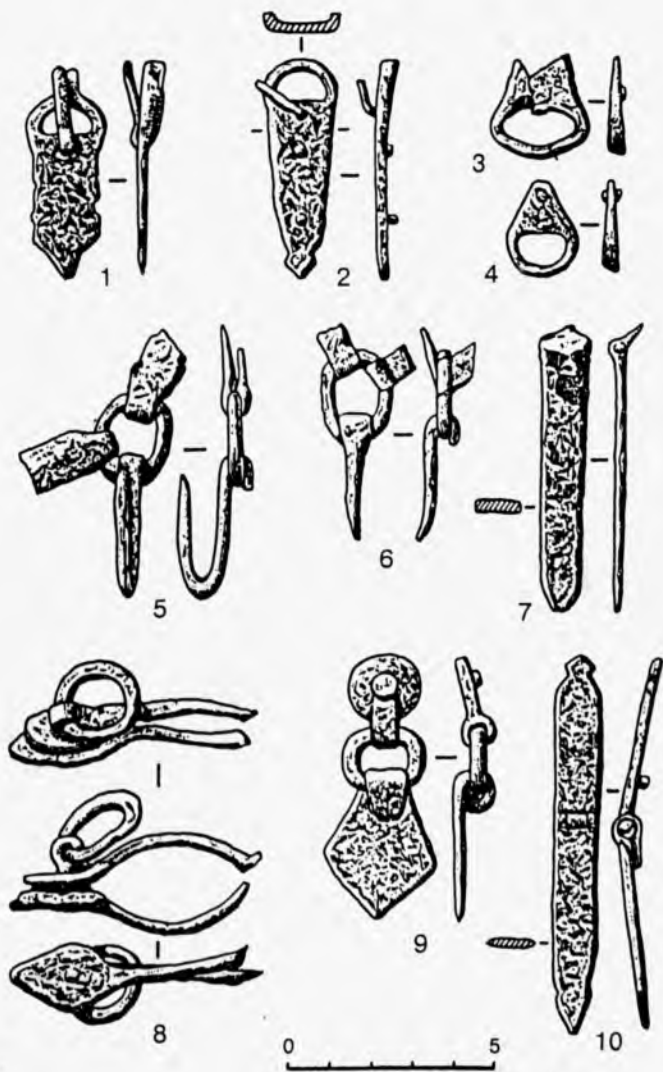

Рис. 7. Узун хая, грот I. Железные детали снаряжения (1—10)

крытый камусом колчан, стрелы с древками, обтянутое шкурой седло с деревянными стременами, части узды (рис. 5, 6), различные железные (рис. 3, 3, 5, 7, 8, 4—6), бронзовые и кожаные детали воинского убранства и снаряжения, костяные предметы (рис. 8, 1—3), поделка из шелка. Судя по одежде, погребение было совершено летом, но в грот оказались уложены и разобранные погребальные сани.

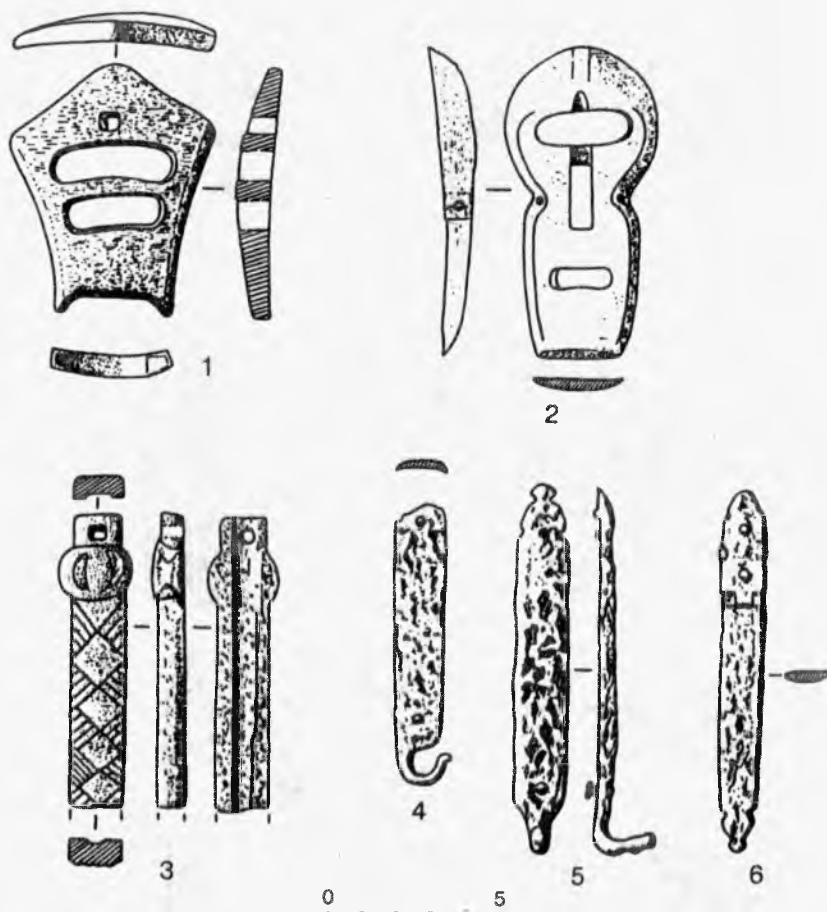

Рис. 8. Узун хая, грот I. Костяные (1—3) и железные (4—6) изделия

Инвентарь захоронения лишь частично опубликован в статьях [Кызласов И.Л., 1981а; 1986, с. 100—105, рис. 1—8], вошел в сводные таблицы нескольких обобщающих работ и получил культурное и хронологическое определение [Кызласов И.Л., 1978, рис. 1, В, 57—74; 1981, с. 205, 206, рис. 74, В, 57—74; 1983, с. 48—51, 71, 72, № 17, рис. 18, 19, 1, 26, А, 72—88, табл. III, 18, VI, 4, XII, 5, XIV, 13, 22, XV, 4, XX, 59, 60, XXII, 2, 9, XXIV, 7, XXV, 5]. Сравнительный анализ облика всех найденных в гроте I металлических изделий (рис. 3—8), а также роговых накладок на плечи лука, без всяких сомнений, указывает на их принадлежность к аскизской культуре и позволяет датировать погребение началом (возможно, первой четвертью) XI в.

Однако для аскизской культуры, как хорошо известно, характерен обряд сожжения умерших совместно с сопутствующим инвентарем. Прах человека и уцелевшие на погребальном костре металлические изделия в последующем помещались в сложенные из плитняка и воспроизводившие жилища мавзолеи. После разрушения они предстают перед нами в виде кольцевых каменных курганчиков [Кызласов И.Л., 1983, рис. 2]. Среди аскизских материалов известны и ямные трупоположения, отмеченные плоскими каменными выкладками. Таким образом, для этой средневековой культуры отмечаются три категории погребальных памятников: курганные, грунтовые и скальные захоронения. Первая категория — явно основная и наиболее массовая, а две последние представлены небольшим числом. Вероятно, их появление объясняется ассимиляцией носителями государственной аскизской культуры окрестного населения, совершавшего иные погребальные обряды [Кызласов И.Л., 1983, с. 21, 22, 51, 53, 67, 68, 71—75, рис. 26, А—В, Д—Ж]. Эти данные явно указывают на самостоятельное классификационное значение скальных гробниц как погребальных памятников особого рода.

Подтвердить предположение об обряде скальных захоронений, присущем части южносибирских горцев, и формальное выделение новой категории погребальных памятников могут подобные гробницы иных эпох и культур, обнаруженные на Среднем Енисее. Их известно немного, и причины этого очевидны. Во-первых, заложенные скальные ниши и гроты трудны для обнаружения, так как внешне сливаются с естественными горными осыпями. Во-вторых, если они уже вскрыты людьми или животными (как подавляющее большинство пещер), то в лучшем случае содержат лишь жалкие остатки потревоженных, переотложенных захоронений (ср., например, характер находок давно вскрытого грота II скалы Узун хая — рис. 9, также предположительно содержавшего аскизское погребение: разрозненные кости взрослого человека — крестцовая, позвонок, ребра, фаланги рук и ног, обломки трубчатых — да два обломка венчика лепного баночного сосуда, рис. 10). В-третьих, подобные памятники, как отмечалось, никогда целенаправленно не отыскивались и не исследовались специалистами, поскольку не осознавались как самостоятельное явление.

Ясно, что по этим причинам ни полного списка, ни полных сведений о каждом скальном захоронении получить не удастся. Однако, несмотря на это, приведу собранные данные, поскольку картина возникает интересная и, смею думать, убедительная.

Кроме описанных, пригодные для изучения материалы предоставляет погребение, случайно обнаруженное в 1946 г. в нише скального левого берега р. Абакан близ улуса Доможакова (тогда — колхоза «Хызыл аал») (см. рис. 1, 20). Документов раскопок, произведенных археологом-любителем А.Н.Липским, нет, но есть краткие

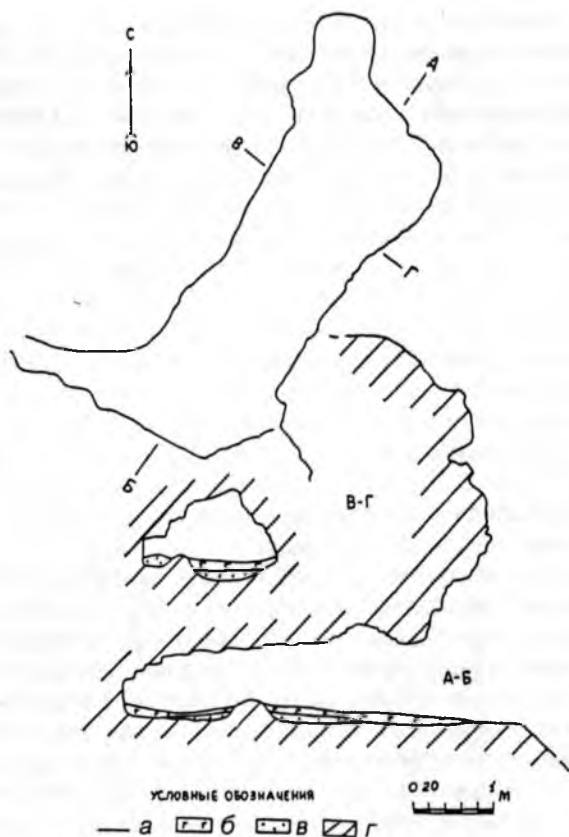

Рис. 9. Узун хая. План и разрезы грота II: а — очертания грота в плане, б — гумус, в — суглинок, г — скала

опубликованные сведения [Липский А.Н., 1949, с. 84] и переданные в Хакасский краеведческий музей находки. Известно, что скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на запад (рис. 11, А, Б). У костей левой руки уцелели следы сгнившего дерева от лука и его роговая накладка (рис. 11, 8), близ голени правой ноги, на месте истлевшего колчана — шесть железных наконечников стрел (рис. 11, 1—6), а справа у пояса — железный черешковый нож (рис. 11, 7).

Облик инвентаря определенно свидетельствует, что доможаковский комплекс не принадлежит к аскизской культуре. Единственным связующим их предметом является нож с характерным нависающим на одну сторону выступом вдоль спинки (ср. [Кызласов И.Л., 1983, табл. XVIII, 13, 16]). В Хакасии такого рода ножи известны и среди случайных находок, хранящихся в Государственном Эрмитаже (инв.

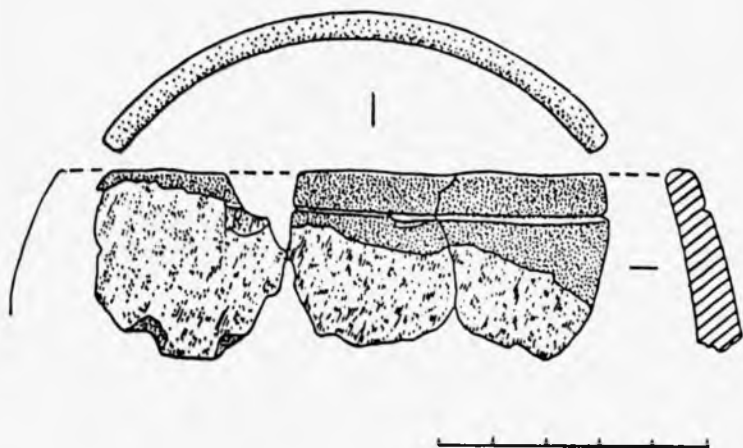

Рис. 10. Узун хая, грот II. Обломки венчика глиняного сосуда

№ 1123/175; 1296/208, найден у с. Лугавского; 3975/842), в Минусинском музее (инв. № 2, дер. Иня; 18, сел. Алтай; 20; 191 и др.). Аналогии ножу встречены в аскизском кургане 2 могильника Оглахты III, относящемся к середине XI — началу XII в., и среди древнехакасских изделий кыпчакского погребения у хутора Петровского на Дону конца XIII — первой половины XIV в. [Кызласов И.Л., 1980, с. 85, рис. 1, 8, 9].

Тупое продольное ребро, идущее по одной стороне крупного плоского наконечника стрелы (рис. 11, 1), дает возможность возводить его форму к трехперым стрелам. Это подтверждается и круглыми отверстиями, проделанными в лопастях, — они совершенно нетипичны для плоских, но обычны для трехперых и трехлопастных наконечников. Наиболее близки к описываемому по абрису трехперые наконечники стрел из могил местного населения Тувы IX—X вв. [Кызласов Л.Р., 1969, с. 112—114, табл. III, 133; 1979, рис. 6, 7]. С ними сходен и один из мелких наконечников скального захоронения (рис. 11, 5). Три подобных экземпляра, найденных в Хакасии в 1863 г. В.В.Радловым, хранятся в Государственном Эрмитаже (инв. № 1123/221, 231, 233). Такие наконечники стрел встречены и С.А.Теплоуховым в 1925 г. в могиле 10 в седловине горы Челпон над р. Таштык [Теплоухов С.А., 1929, с. 55, табл. II, 28] (Гос. Эрмитаж, № 4349/1, 2). Это погребение человека с конем также относится к IX—X вв. Второй маленький трехперый наконечник из доможаковского скального захоронения (рис. 11, 2), хотя и не имеет вогнутых лопастей, как предыдущие экземпляры, несомненно, относится к тому же культурному кругу. Последний длинный наконечник кинжаловидных очертаний

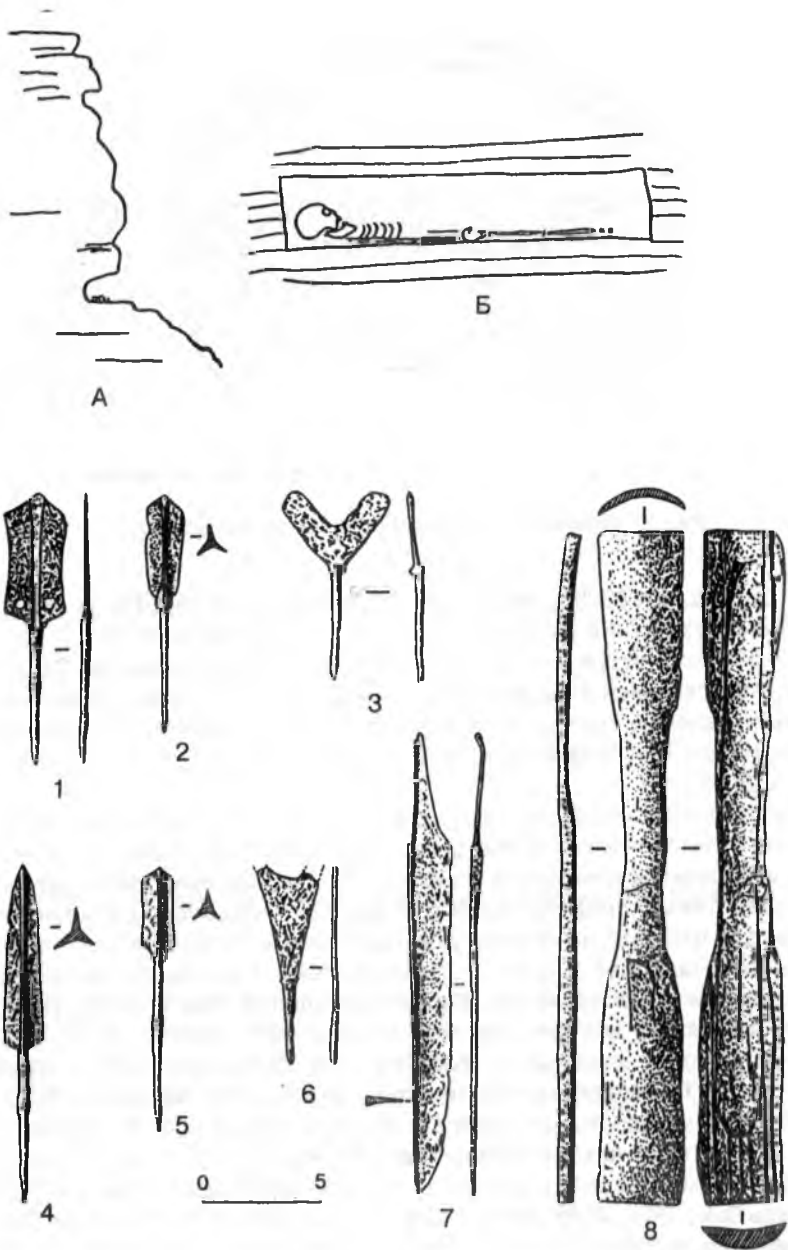

Рис. 11. Скальное захоронение у улуса Доможакова. Схематичный вид ниши с погребенным (А, Б) и сопутствующий инвентарь (1-7 — железо, 8 — рог)

(рис. 11, 4) стоит особняком, но его сближает со всей серией та же трехперость. Судя по этнографическим параллелям, два найденных в гроте вильчатых наконечника (рис. 11, 3, 6) были охотничьими и предназначались для стрельбы в птиц. Формы подобных наконечников довольно разнообразны [Медведев А.Ф., 1966, с. 72, 73], подробная типология, выявляющая местные и временные их особенности, пока отсутствует. Наиболее употребляемыми были наконечники, остроугольно сужающиеся к шейке (типа неполно сохранившегося доможаковского экземпляра — рис. 11, 6). Широкоугольные вильчатые разновидности (рис. 11, 3) известны среди наборов IX—X вв., но они завершаются жальцами, а не округлыми срезами (см., например, [Плотников Ю.В., 1981, рис. 11]). Таким образом, набор стрел здесь, вероятно, следовало бы датировать X в.

Форма же встреченной в скальном захоронении роговой накладки лука, как и особенности ножа, принадлежит к более позднему времени. Она появляется в XII в. [Медведев А.Ф., 1966, с. 11, 12, табл. 3, 10; 6, 6, 10—12, прил. 1; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 25; Кызласов Л.Р., 1969, с. 75, 76; Плетнёва С.А., 1981, рис. 82, 45, 83, 37], но существует в Сибири вплоть до окончания применения самого лука — до второй половины XVIII — первой половины XIX в. [Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В., 1994, с. 236, рис. 7, 1]. Особенностью нашего экземпляра является большая длина лопастей, однако значение этого признака из-за отсутствия систематики подобных сибирских древностей ныне не может быть выявлено.

Как видим, сравнительное рассмотрение инвентаря заставляет или предполагать более раннее, чем принято, появление поздней группы изделий (нож, накладка лука), или допустить пережиточное бытование более ранних форм (наконечники стрел). Полагаю, что здесь следует исходить из хорошо известного сибиреведам факта: многообразие наконечников стрел до сих пор не подвергалось у нас серьезному исследованию. Отсюда следует предпочесть хронологические особенности другой части находок. Вероятно, доможаковское скальное захоронение следует отнести к XII в.

Возможно, однако, и иное решение. Дело в том, что в древностях Южной Сибири могут быть отмечены факты явного помещения в поздние погребения наконечников стрел раннего времени. Так, например, при каких-то обстоятельствах найденные в позднем средневековье шесть наконечников IX—X вв. (очевидно, хорошо сохранившиеся благодаря обряду трупосожжения) были помещены в погребение XVII—XVIII вв., раскопанное в могильнике Верх-Еланда I на р. Катунь [Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 1, 5—7, 2, 3—5]. Это обстоятельство прошло мимо внимания авторов раскопок. Между тем поздняя дата кургана 1 надежно устанавливается по форме найденных там же стремян, удила, распределителя

ремней с накладками и другой группы плоских наконечников стрел [там же, рис. 3, 1—4, 4, 1, 2, 5]. Быть может, такое же смешение разновременных изделий характерно и для сопроводительного инвентаря скального захоронения близ улуса Доможакова.

О прочих привлекаемых мною памятниках полные сведения отсутствуют. Прежде всего недостает данных о погребальном обряде и наборе инвентаря. Вместе с тем известные находки позволяют не только утверждать, что они связаны с погребениями, совершенными в скальных пустотах, но и определить время и культурную принадлежность этих захоронений.

О наиболее древнем из известных ныне памятников мне сообщил археолог Красноярского музея Н.П.Макаров. В конце 60-х — начале 70-х годов в пещере в устье р. Караульной (см. рис. 1, 1) было раскопано засыпанное охрой погребение женщины, содержавшее игольник с иглою. По данным археолога Минусинского музея Н.В.Леонтьева, ставшим мне известными летом 1980 г., в пещере близ д. Верх-Биджи (см. рис. 1, 6) были найдены человеческие кости и деревянные предметы, относящиеся к тагарско-таштыкскому (тесинскому) переходному этапу (II—I вв. до н.э.). Напомню, что при всей пестроте погребального обряда, наблюдаемой в эту эпоху, до сих пор были известны лишь курганы-склепы и грунтовые ямные захоронения в так называемых каменных ящиках (иногда — впускные) [Пшеницына М.Н., 1992, с. 224—230].

Доселе неведомый обряд пещерных захоронений может быть указан и для последующей таштыкской эпохи. Так, в начале 80-х годов XIX в. Д.А.Клеменц обследовал пещеры горы Сюс-Кюмес-Тапхан на правом берегу р. Большой Сыр, в 3 км от улуса Морозова (см. рис. 1, 10). В одной из них ученый обнаружил «обрезок оленьего рога, череп и несколько костей нижних конечностей человека и громадное количество костей диких животных» [Клеменц Д.А., 1891, с. 23, 24, 29]. Нет сомнения, что Д.А.Клеменц встретил остатки погребения и следы жизнедеятельности хищников, естественные в условиях открытой пещеры. В коллекции Минусинского музея, состоящей из этих сборов Д.А.Клеменца (инв. № 9912), вместе с упомянутым куском обработанного рога (9912/4) хранятся и обломки двух глиняных баночных сосудов (9912/1,2), характерных для таштыкской культуры, и части железных миниатюрных моделей удила (9912/3). Такие маленькие детали специальных воспроизведений уздечек типичны для погребального инвентаря таштыкских склепов начиная с середины I в. до н.э. и по III в. н.э. [Кызласов Л.Р., 1960, с. 88, 129, 130, 140, рис. 30, 2, 47, 8, 51, 1, табл. IV, 25, 121, 179; Грязнов М.П., 1979, с. 96, рис. 56, 31, 71, 10]. Все это убеждает в том, что в пещере горы Сюс-Кюмес-Тапхан было таштыкское погребение I в. до н.э. — III в. н.э.

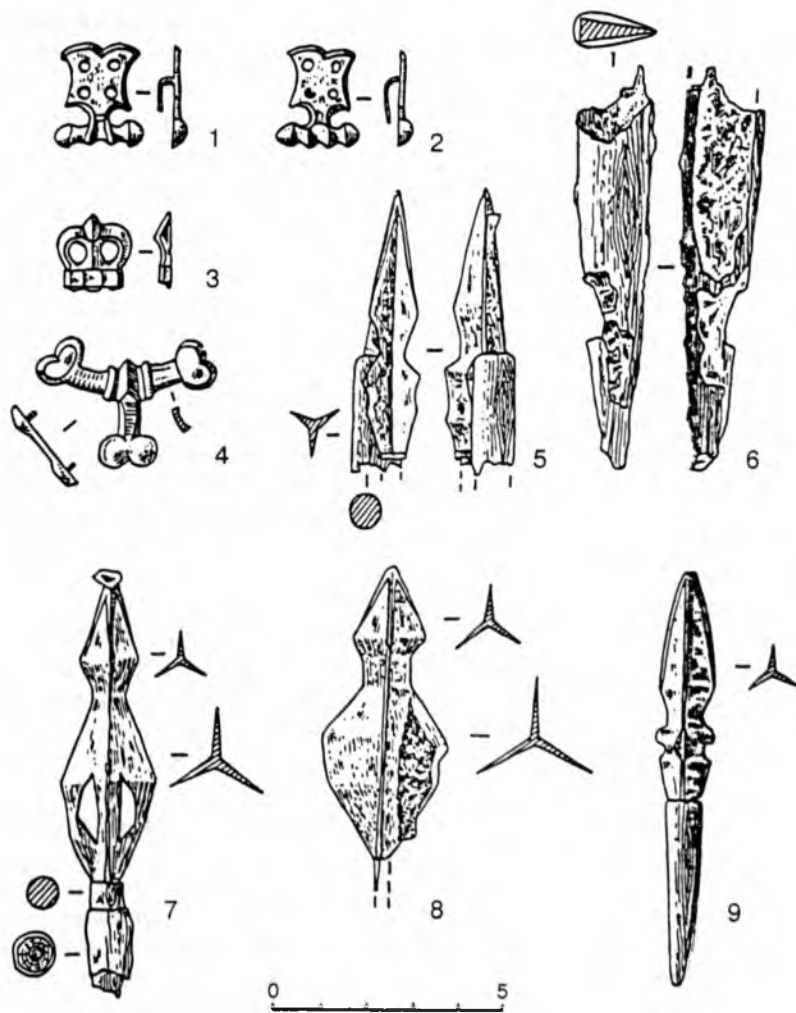

Рис. 12. Пещера на р. Чибихек. Бронзовые (1—4) и железные (5—9) изделия

Бытование скальных погребений и в последующей культуре чаатас (VI — первая половина IX в.) подтверждают находки, сделанные в 1940 г. при геологической разведке инженером Артемовского рудника Евдокимовым в пещере на р. Чибихек (рис. 1, 7). Коллекция хранится в Минусинском музее (инв. № 9894/1—9) и состоит из пяти железных и четырех бронзовых предметов. Обломок кончика ножа (9894/1) сохранил следы деревянных ножен (рис. 12, 6). Из четырех

двухъярусных наконечников стрел (рис. 12, 7—9) острия двух слегка затуплены от удара (у одного из них помят и выступ второго яруса). На черешках сохранились остатки дерева от древков (однажды — со следами поперечной обмотки под наконечником). Один из экземпляров имеет прорезные (9894/3), другой (9894/4) — сплошные лопасти второго яруса, два других (9894/2,5) — лишь фигурные выступы. Под одним наконечником сохранилась надетая на древко роговая муфта (рис. 12, 7), к другому пристал отломившийся черешок с верхней частью древка (рис. 12, 5). Четыре штампованные бронзовые бляшки черно-зеленого цвета, по-видимому, происходят от поясного набора. Здесь есть одна псевдопряжка (9894/9 — рис. 12, 3), две Т-образные накладки (9894/7,8 — рис. 12, 1, 2) и один тройник-распределитель ремней (9894/6 — рис. 12, 4). Рассмотрение аналогий, пожалуй, позволяет датировать эти находки второй половиной VII в.

Несмотря на явное своеобразие чибихекских трехперых наконечников стрел, можно отметить, что покатые плечики второго яруса появляются уже на рубеже нашей эры, а абрис пещерных находок близок к плоским деревянным моделям стрел I—II вв. из Сырского чаатаса [Кызласов Л.Р., 1960, с. 128, рис. 46, 5, 6]. Вместе с тем в гунно-сарматское время для наконечников обычны прямые плечики второго яруса [Кызласов Л.Р., 1960, табл. IV, 68; Коновалов П.Б., 1976, табл. I, 12—15, II, 17—19, 21—23, 28; Могильников В.А., 1992, с. 265, табл. 105, 2—5; Засецкая И.П., 1994, с. 37, 39, табл. 37, 7—9], скошенные плечики тогда лишь начинают формироваться и в целом отличаются стрелы раннего средневековья. То же следует сказать и о ромбовидности первого яруса. Исследователи различают две линии развития ярусных наконечников стрел, обособленные уже в гунно-сарматскую эпоху и условно названные хуннской и южносибирской (шурмакской) [Неверов С.В., 1988, с. 5, 6; Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991]. Особенности абриса чибихекских наконечников принадлежат к видоизменениям шурмакской традиции, трехперая форма шейки — к гуннской. Различия в пропорциях первого и второго ярусов здесь также отражают обе линии развития. Все это свидетельствует о том, что данные наконечники стрел принадлежат к раннему средневековью.

В поисках аналогий для нас важно отличать наконечники с поджатыми, как здесь, и прямыми сторонами первого яруса. Судя по двум длинноперым экземплярам (рис. 12, 5, 9), рассматриваемые формы уже заметно отошли от подобных наконечников IV—V вв. [Горбунов В.В., 1993, рис. 3, 13, 14; Егоров Я.В., 1993, рис. 1, 1—3]. Обломок стрелы, близкий нашим короткопёрым наконечникам (рис. 12, 7, 8), встречен в могиле 11 урочища Кудыргэ, датируемой не ранее конца VI и не позднее конца VII в. [Гаврилова А.А., 1965, с. 13, табл. XIX, 16], подобный длинноперым — в могиле 5 у Архиерейской заимки, пред-

положительно отнесенной к VIII в. [Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, с. 39, 40, 74, 92, рис. 74, 4]. Полученная таким образом датировка не противоречит, как увидим, результатам сравнительного изучения бляшек, но необходимо сказать, что отсутствие хорошей систематики сибирских наконечников стрел второй половины I тысячелетия н.э. не позволяет ныне предложить по ним точное хронологическое определение.

Значительно большие возможности предоставляют для этого бронзовые изделия, прежде всего псевдопряжка и особенно Т-образные накладки. Наша псевдопряжка — несомненно типологически поздняя форма: она цельнолитая, отверстия ее довольно крупны и, хотя часть изделия отломлена, ясно, что здесь не было подвижного щитка. Аналоги чибихекской находке встречаем в инвентаре могилы 12 из Кудыргэ, отнесенной А.А.Гавриловой вместе с группой других погребений ко времени от конца VI до конца VII в. [Гаврилова А.А., 1965, с. 13, 25, 43, табл. XX, 15], а А.К.Амброзом к концу VII (с сомнениями) — первой половине VIII в. [Амброз А.К., 1973, с. 290, 297, 298, рис. 1, 9].

Широко распространенные в наборе так называемых геральдических металлических украшений воинских поясов Евразии Т-образные бляшки с прямоугольным фестончатым щитком встречают ближайшие аналогии в инвентаре Уфимского погребения турбаслинской культуры VII в. [Мажитов Н.А., 1977, с. 15, 19, табл. I, 75; 1981, рис. 12, 33], более отдаленные — среди находок Бирского могильника (погр. 165, VII в.) [Амброз А.К., 1980, с. 17, 41, 42, 47—52, рис. 5, 11, 13, 59; Мажитов Н.А., 1981, с. 26, рис. 13, 25], в другом южно-уральском Красногорском кургане 1, относимом примерно к VIII в. [Мажитов Н.А., 1981а, с. 27, рис. 7, 27]. Некоторые сходные крымские находки (Суук-Су, склеп 54, погр. 1), определяемые второй половиной VI в. [Амброз А.К., 1973, рис. 1, 29; 1995, рис. 10, 23], казалось бы, позволяют расширить датировку. Однако они, так же как и сопоставимые с чибихекскими изделия, найденные в Поволжье и относимые к третьей четверти VI в. (Армиево, погр. 191) [Богачев А.В., 1992, рис. 26]], снабжены прямым краем пластины. В нашем случае следует, по-видимому, учесть мнение А.К.Амброза о датирующем значении формы пластин поясных накладок: двурогость верхней и прогнутость боковых их частей, в той мере, в какой демонстрируют наши вещи, исследователь относил к VII в. [Амброз А.К., 1973, с. 293, рис. 1, 19—21] и связывал возникновение такого геральдического стиля с далекими от Южной Сибири византийскими владениями по Нижнему Дунаю. За отнесение чибихекских бляшек не к VI, а к VII в. высказался при обсуждении с ним хронологии пещерного комплекса и И.О.Гавритухин. Близкую аналогию Т-образным накладкам Чибихека, как и рассмотренной псевдопряжке, вновь предоставляет 12-я

могила Кудыргэ, датируемая, как говорилось, концом VI — концом VII в. [Гаврилова А.А., 1965, табл. XX, 2]. А.К.Амброз указывал для этой алтайской бляшки ряд европейских подобий середины и второй половины VII в., хотя отнесение кудыргинских могил даже к концу VII в. он считал сомнительным, расценивая их скорее как памятники первой половины VIII в. [Амброз А.К., 1973, с. 298, рис. 1]. Для полноты картины следует указать на случайные находки подобных бляшек, сделанные в Западной Сибири и относимые исследователями к VII — началу VIII в. [Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980, с. 164, табл. XX, 13].

Серии совершенных в скальных пустотах погребений аскизской культуры, начатую гротовыми комплексами Узун хаи, могут продолжить Бирюсинские пещеры (см. рис. 1, 2). Судя по публикациям [Еленев А., 1886; 1894, протоколы, с. 72; Карцов В.Г., 1929] и коллекциям, хранящимся в Государственном Историческом (инв. № 42557) и Красноярском краеведческом (инв. № 64) музеях, они содержали большое количество предметов конской сбруи, ножей, остатков тканей и берестяных предметов. На основании формы упоровых удил и напускных псалиев [Еленев А., 1886, с. 185, № 33], железных наконечников ремней, двух накладок и пряжки (ГИМ, 42557—43/136, 113/13а, 113/19а) по крайней мере одну из этих пещер (вероятно, F по номенклатуре исследователя) следует причислить к погребальным памятникам аскизской культуры XII—XIII вв.

Определить дату и культурную принадлежность другой пещерной находки затруднительно. В 1886 г. Н.М.Ядринцев сообщил об обнаружении в пещере у д. Бузуновой на Енисее (рис. 1, 12) колес большого диаметра [Ядринцев Н.М., 1887, с. XXI]. Если в данном случае не предполагать существование в пещере погребения, в сопроводительный инвентарь которого входила разобранная погребальная повозка (как сани в комплексе Узун хаи и арба в аскизском кургане 2 могильника Кизек тигей, см. [Кызласов Л.Р., 1975, с. 196, рис. 4 и 5]), то трудно понять, как в пещеру попали крупные деревянные колеса.

Известные материалы позволяют заключить, что погребения в пещерах совершались в Хакасии и в позднем средневековье. Так, во второй пещере горы Сюс-Кюмес-Тапхан (см. рис. 1, 10) Д.А.Клеменцем были найдены «кости домашних животных, старые удила и обломок седельного дерева» [Клеменц Д.А., 1891, с. 23, 24, 29]. И хотя человеческих костей на поверхности дна пещеры не оказалось (исследователь раскопок не производил), состав находок убеждает, что перед нами погребальный инвентарь и остатки сопроводительной мясной пищи. Знакомство с коллекцией, хранящейся в Минусинском музее, позволяет полагать, что здесь, как и в гроте I скалы Узун хая, вместе с умершим была положена конская шкура с головой (инв. № 9912/9: полная левая половина нижней челюсти и часть второй

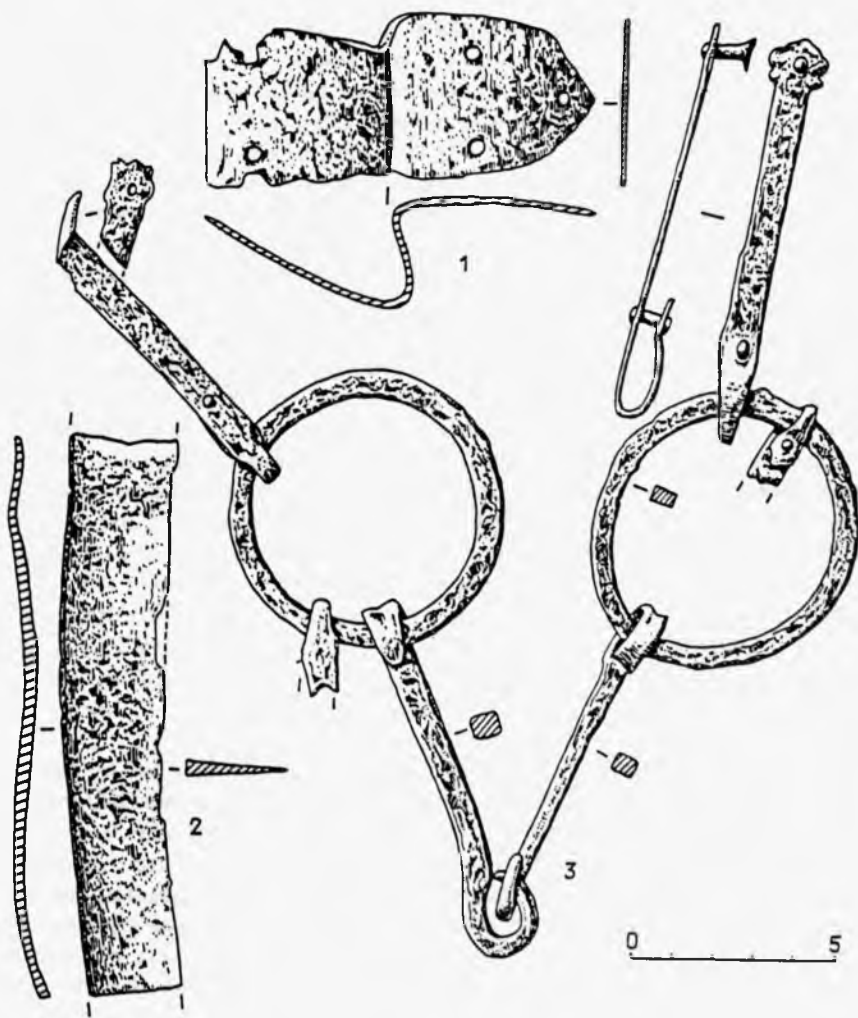

Рис. 13. Пещера в горе Сюс-Кюмес-Тапхан. Железные изделия (1—3)

половины нижней челюсти коня, а также часть нижней челюсти, две полные половины такой же челюсти и целый череп *Canis* — вероятно, остатки диких животных). В собрание кроме упомянутой деревянной поделки (9912/5) входят еще названные исследователем удила и не указанные в отчете железная гнутая накладка (рис. 13, 1) и обломок клинка палаша или сабли (рис. 13, 2). Датировать это пещерное захоронение позволяет форма удил (рис. 13, 3). Их крюковые звенья выкованы из прута подквадратного сечения, а крупные кольчатые

псалии имеют поперечное сечение в виде высокого прямоугольника. Все эти особенности развиваются у удила аскизской культуры позднее XIV в. О поздней дате с несомненностью свидетельствуют и узкие длинные железные накладки на нащечные ремни узды, завершающиеся плоской цветочной фигурой. Преемственно связанные с аскизской манерой оформления, эти накладки по облику занимают промежуточное положение между подобными изделиями XIV в. и этнографическими материалами XVIII—XIX вв. Крепление в каждом кольчатом псалии пары ременных накладок — еще одна особенность, характерная для позднего средневековья и нового времени (ср. серию удила: Минусинский музей, инв. № 5697, 6002, 6090, 6830 — два последних найдены у с. Кавказское, 6831; отличие предшествующих форм см. [Кызласов И.Л., 1983, рис. 26, 99; табл. X, 57, XXXVI, 4]). Таким образом, сюс-кюмес-тапханские удила должны быть отнесены к периоду не ранее XV и не позднее XVIII в. Хотя серийный материал этого времени до сих пор не изучался, но вероятно, что рассматриваемое погребение относится к поздней части этого временного отрезка — к XVI—XVII вв. (ср. оформление удила XVII в. из кургана 32 Козюлинского могильника на р. Томи, см. [Плетнева Л.А., 1990, рис. 45, 10]). Несомненная типологическая связь найденных в пещере удила с материалами аскизской культуры XIII—XIV вв., с одной стороны, и этнографической культуры хакасов — с другой, позволяет расценивать погребение как хакасское позднесредневековое и относить его к завершающему этапу аскизской культуры.

Благодаря сообщению В.И.Сагаякова, полученному нами летом 1981 г. в Абакане, становится ясно, что существуют погребения и еще более позднего времени. В 1947—1948 гг. в верховьях р. Тёи (рис. 1, 17), в глухой тайге были при случайных обстоятельствах обнаружены в пещере лук, трехперые стрелы, узда, украшенная накладками с серебряной насечкой, и седло с бронзовыми стременами — остатки хакасского погребения XVIII—XIX вв. Таким образом, материалы вплотную подвели нас к традиционной этнографической культуре хакасского народа. Кроме не подтвержденных пока сообщений В.И.Сунчугашева о том, что некий род, живущий в бассейне р. Аскиза, сравнительно недавно хоронил своих умерших в скалах, о существовании подобных погребальных ритуалов свидетельствует старый, широко применявшийся у хакасов обычай захоронения детей, умерших в возрасте до полугода, выкидышей и плаценты только в пустотах скал. В 1958—1959 гг. такие погребения (в ящичках или завернутые в тряпицы, в бересту) Л.Р.Кызласов наблюдал в расщелинах скалы Хара хая в верховьях Аскиза (рис. 1, 19). В 1995 г. мною получены сведения о случайном обнаружении близ с. Казановки (на том же Аскизе) детского скального захоронения в деревянном гробике, содержавшем и часть газеты, выпущенной в 1983 г.

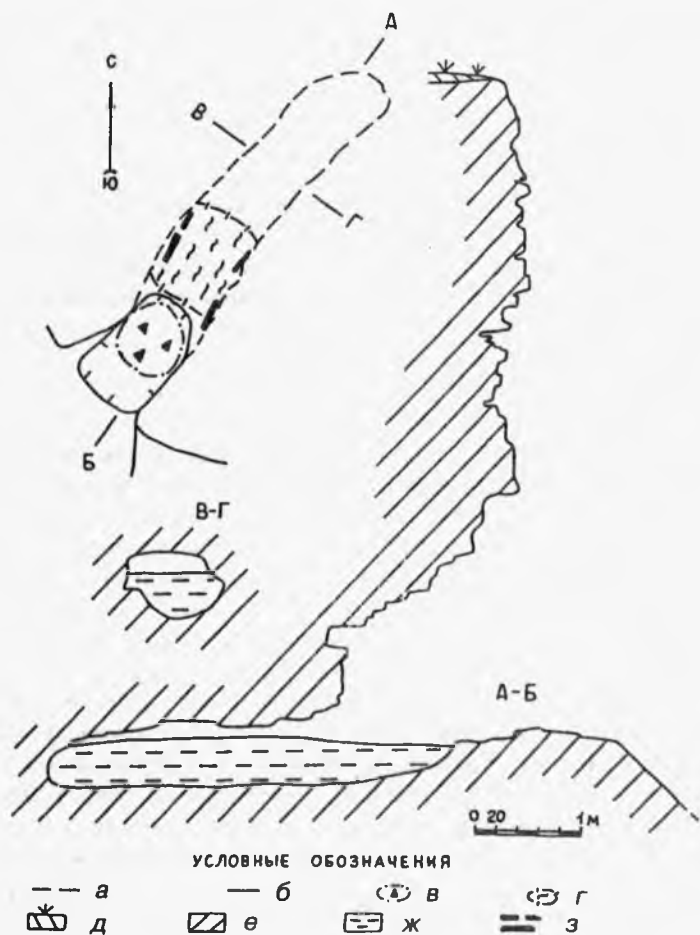

Рис. 14. Узун хая. План и разрезы грота III: а — граница ниши; б — вход в грот; в — скопление древесных углей; г — береста; д — дерновый слой; е — скала; ж — заполнение грота; з — деревянные брусья

Быть может, к захоронениям такого рода и следует относить погребение, обнаруженное при раскопках грота III скалы Узун хая. В 1976 г. это узкое длинное отверстие (высотой 60 см и шириной 70 см), проникавшее в скалу с юго-запада на северо-восток на 3,8 м, было раскопано (рис. 14). Расчистка выявила перед гротом небольшую яму (1,1 × 0,7 м), содержащую челюсть лисицы (?), мелкие угли и углистый слой. Слой березовой коры, начинаясь от остатков костра, тянулся по дну в глубину грота до отметки 2,6 м. На бересте вдоль стен были встречены остатки двух деревянных (возможно, тополиных)

брусьев, длиной около 80 см. Они имели треугольное поперечное сечение (37 × 40 и 35 × 30 см) и заостренные концы с одной из сторон. В слое заполнения грота, занимавшем две трети скальной полости, встречены переотложенные кости детского скелета: часть таза и лопатка. Несмотря на то что найдены еще обломок ребра и зуб взрослого, очевидно, что в этом гроте было совершено детское захоронение. Вероятно, остатки брусьев служили каркасом, а береста — дном колыбели, в которой погребли ребенка (ср. конструкцию одного из типов традиционных хакасских колыбелей [Островских П., 1895, с. 323, 324]. Не достает лишь обычной деревянной спинки, которую, видимо, отломали из-за малой высоты грота.

* * *

Суммируя известные материалы, происходящие с территории Хакасско-Минусинской котловины, следует признать, что погребения в пещерах, гротах, скальных нишах и расщелинах производились здесь повсюду (см. рис. 1) с глубокой первобытности, по крайней мере с конца I тысячелетия до н.э. и по II тысячелетие н.э. включительно, непрерывно. Во многих случаях они, судя по инвентарю, принадлежат к хорошо изученным археологическим культурам, но осуществлялись по особому обряду, не свойственному большинству известных памятников. Следовательно, скальные захоронения бытовали здесь параллельно курганным и грунтовыми могильникам и представляют особую, самостоятельную категорию погребений.

Выявленная ситуация не является достоянием только местных древностей: захоронения в скальных пустотах встречаются и за пределами Хакасско-Минусинской котловины. Продемонстрировать это несложно, и хотя по понятным причинам приводимые мною примеры будут не только неполны, но и случайны, вырисовывающаяся картина вполне показательна.

Остатки человеческих скелетов — настолько обычная черта для пещер соседних районов Восточной Сибири, что П.П.Хороших, обсуждая в 1928 г. возможности составления археологической карты Сибири, предлагал употреблять на ней специальный условный знак «пещера с погребением» [Хороших П.П., 1928, с. 7]. Многолетние поиски дали этому исследователю право утверждать: «Часть пещер Сибири использовалась в качестве мест для захоронения умерших» [Хороших П.П., 1962, с. 127]. В прилегающей к оз. Байкал местности ученый выявил следы погребений в пещерах пади Скрипер, Большой Кадилинской, Второй Байдинской, а также в долине р. Голоустной (см. отчеты об исследованиях в архиве ИА РАН: д. 469, л. 48, 49, д. 713, л. 60, 63, д. 851, л. 5; ср. [Хороших П.П., 1955, с. 12; 1955а, с. 12, 13, 18, 20, 28]). В тех местах некогда практиковался обычай

погребения и в расщелинах скал [Хороших П.П., 1964]. П.П.Хороших раскапывал и средневековые гротовые захоронения. «В 1921 г., — писал он в одном из своих отчетов (архив ИА РАН, д. 851, л. 5), — вблизи Байдинских пещер мною были раскопаны погребения в пустотах камней, где были обнаружены такие же, как и в Байдинских пещерах, наконечники железных стрел, железные ножи и фрагменты глиняной посуды. По-видимому, оба археологических памятника (пещеры и погребения) принадлежат одной и той же народности тюркского происхождения». Кости человека найдены в колодецеобразных пещерах Случайной и Вологодского на территории Прибайкальского национального парка. Там же, в пещере Тонта обнаружено «древнебурятское захоронение» [Горюнова О.И., Ветров В.М., Бердникова Н.Е., 1990, с. 146].

Об изучении подобных погребений в Забайкалье кратко упоминает в одной из заметок А.П.Окладников: «В большом числе обнаружены на Селенге и поздние кочевнические погребения... в виде захоронения в пустотах скал» [Окладников А.П., 1949, с. 10]. Если датировка всех этих погребений не может обсуждаться, так как материалы не опубликованы, то изученное в конце XIX в. погребение воина-всадника в Мухор-Хундуйской пещере следует твердо отнести к XIII—XIV вв. [Талько-Грынцевич Ю.Д., 1900, с. 71—76, табл. XIV—XVI]. Однако обряд прослеживается и древнее — группа захоронений в скальных нишах, относящаяся к эпохе позднего неолита — ранней бронзы, изучена на Верхней Лене [Маньшагин Е.В., 1984], находки человеческих костей сделаны среди разнообразных изделий раннего бронзового века (расцененных как погребальный инвентарь) в Кристинкиной пещере в Забайкалье [Семина Л.В., 1983], разрушенное погребение II тысячелетия до н.э. встречено в Богачинской пещере, представляющей прямую аналогию близко расположенной Шилкинской пещере [Колосов В.К., 1986]. Судя по изданным материалам, этот погребальный обычай был широко распространен в позднем средневековье [Асеев И.В., 1980, с. 41—43, 59—61], вплоть до бурятской культуры XVIII—XIX вв. [Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В., 1994].

Сведения об обнаружении человеческих костей в пещерах иных районов Южной Сибири, примыкающих к Хакасии, малочисленны, что, вероятно, вызвано слабой археологической изученностью здесь карстовых полостей. И все же бывшее существование погребений отмечено в пещерах бассейна р. Ки на Салаирском плато [Хороших П.П., 1949, с. 53]. Остатки по крайней мере двух человеческих скелетов зафиксированы в известной Айдашинской пещере, бывшей на окраине, а ныне в пределах г. Ачинска [Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н., 1980, с. 99; Оводов Н.Д., 1980, с. 103]. Находки в пещере близ Пазаса в Шории многочисленных человеческих костей,

железных наконечников стрел, копий, ножей и других предметов, указывающих на бывшие там погребения, породили местные предания о пещерных побоищах [Данилин А.Г., 1993, с. 63].

Есть сведения о бытовании интересующих нас памятников на Алтае (Чергинский провал) и в Туве (близ поселков Щебаковский на р. Каа-Хеме и Эйлиг-Хем на р. Улуг-Хеме, а также выше устья р. Чиргакы) [Оводов Н.Д., 1980, с. 103; Минцлов С.Р., 1916, с. 308, 309; Хороших П.П., 1950, с. 47]. На Горном Алтае известно пещерное энеолитическое погребение второй половины IV тыс. до н.э. [Кирюшин Ю.Ф., 1994, с. 15; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 8, 27—53], в пещере Каминной обнаружены два погребения афанасьевской культуры (III тыс. до н.э.) и разрозненные кости «позднего времени» [Гричан Ю.В., 1988, с. 10], погребение младенца, совершенное не ранее средневековья, найдено в 4-й Нижнетыткескенской пещере на Катунь [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 56], на р. Урсул доследовано скальное захоронение в расщелине горы Межелик [Кочеев В.А., 1983], судя по инвентарю, относящееся к XVIII в. В этнографической литературе сообщается о гротовых погребениях, еще недавно существовавших среди других типов захоронений у теленгитов Алтая [Тоцакова Е.М., 1978, с. 129, 157].

Переступить границы Сибири следует лишь для того, чтобы показать: нет для обряда скальных захоронений ни конкретной локальной, ни определенной культурной, ни узкой хронологической привязки. Говоря о Казахстане и Средней Азии, достаточно напомнить — из расщелины скалы происходит знаменитое Карагалинское погребение рубежа нашей эры [Бернштам А.Н., 1940]. Даже в центрах развитых цивилизаций с канонизированными погребальными обрядами находим такие пещеры, как Гори-Гург на Заравшане, где «хоронили в течение чуть ли не тысячелетия»: со II—I вв. до н.э. до VII—VIII вв. [Маршак Б.И., 1959].

Скальные захоронения, встреченные в пещерах Урала, относятся к самым различным эпохам и археологическим культурам. Такие памятники здесь можно указать, например, для неолита [Бибииков С.Н., 1940, с. 38, 39; 1950, с. 98—105, 109—112, 136], энеолита [Бибииков С.Н., 1950, с. 113—116, 131], андроновской культуры [Бибииков С.Н., 1940, с. 37], гунно-сарматского времени [Горяинов В.А., 1980], для XI в. [Прокошев Н.А., 1937]. Не могут быть точно датированы черепа и кости людей, встреченные в XVIII и XIX вв. в Каповой пещере [Вахрушев Г.В., 1960, с. 8, 10, 13].

Человеческие кости или мумии, свидетельствующие о скальных захоронениях, встречены в пещерах от северного острова Новая Земля [Лашук Л.П., 1969, с. 209] и Алеутских островов до южных коралловых островов [Максимович Г.А., Максимович Е.Г., 1981, с. 12,

13]. От окрестностей Неаполя [Бартольд В.В., 1908, с. 61] и скал Баварии (мезолит) или Моравии (ранний железный век) [Арциховский А.В., 1947, с. 26, 80] до Филиппин (от рубежа нашей эры до современности). В горных пустотах погребали своих умерших индейцы Северной, Центральной и Южной Америки и их далекие предки...

Совершенно очевидно, что скальные захоронения представляют собой явление, общее для человеческой культуры. Они выходят за пределы как определенных археологических культур, так и конкретных хронологических этапов. Таким образом, следует заключить, что наряду с хорошо известными археологам курганными и грунтовыми захоронениями существует и третья категория погребальных памятников — скальные захоронения. Неверно думать, что они не могут быть выделены в особую общую категорию, поскольку присутствуют лишь горным районам. Курганные захоронения, как известно, также привязаны к определенным географическим условиям и лишь в сложившемся виде расширили пределы встречаемости. Подобно этому скальные захоронения послужили прообразом для разнородных видов погребений в обрывах и на склонах уже вполне равнинных местностей, сказались в формировании многообразных похоронных катакомбных и подбойных конструкций [Кызласов И.Л., 1993, с. 101, 102, рис. 1, табл.].

Особенностям мировоззрения, сложившимся в первобытности и вызвавшим возникновение скальных захоронений, я посвятил специальную работу [Кызласов И.Л., 1982]. Эти представления сводятся к восприятию определенной горы в качестве священного центра, порождающего и поглощающего каждого члена конкретного человеческого коллектива. Восприятие смерти как необходимого этапа возрождения некогда было единым для человечества. Условием же возрождения, вероятно, являлось захоронение умершего в порождающем центре общины. Внешние различия таких жизнетворных центров были положены в основу классификации главных видов погребальных памятников и их обрядовых особенностей [Кызласов И.Л., 1993].

Авдусин Д.А., 1959. Археологические разведки и раскопки. М.

Авдусин Д.А., 1980. Полевая археология СССР. М.

Адрианов А.А., 1910. Отчет о раскопке пещеры в горе Тепсей летом 1908 г. А.А.Адрианова. — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, № 10. СПб.

Амброз А.К., 1973. [Рец. на:] I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. — СА, № 3.

Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. — Средневековые древности евразийских степей. М.

Амброз А.К., 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь.

- Арциховский А. В., 1947. Введение в археологию. М.
- Асеев И. В., 1980. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск.
- Ауэрбах Н. К., 1929. Археология. Программа-инструкция для краеведов. Новосибирск.
- Бартольд В. В., 1908. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 8.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья в VI—VIII вв. н.э. Томск.
- Бернштам А. Н., 1940. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке. — КСИИМК. Вып. V.
- Бибиков С. Н., 1940. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Южный Урал). — КСИИМК. Вып. III.
- Бибиков С. Н., 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. — СА. Вып. XII.
- Богачев А. В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV—VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.
- Бранденбург Н. Е., 1886. Заметка о костеносных пещерах в Сибири. — Древности. Т. II, вып. 2. М.
- Вахрушев Г. В., 1960. Загадки Каповой пещеры (Шулган). Уфа.
- Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л.
- Горбунов В. В., 1993. Грунтовой могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1. — Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.
- Городцов В. А., 1914. Руководство для археологических раскопок. М.
- Горюнова О. И., Ветров В. М., Бердникова Н. В., 1990. Археологическое исследование пещер Прибайкальского национального парка. — Палеознология Сибири. Иркутск.
- Горяинов В. А., 1980. Гуннское погребение в пещере Южного Приуралья. — СА, № 4.
- Гричан Ю. В., 1988. Перспективы комплексных исследований археологических объектов в Горном Алтае. — Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1. Новосибирск.
- Грязнов М. П., 1961. Памятка по раскопкам грунтовых могильников. Л.
- Грязнов М. П., 1979. Таштыкская культура. — Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Данилин А. Г., 1993. Бурханизм. Горно-Алтайск.
- Егоров Я. В., 1993. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае. — Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.
- Еленев А., 1886. Сведения о Бирюсинских пещерах. — Известия Восточно-Сибирского Отдела РГО. Т. XVII. Иркутск.
- Еленев А., 1894. О Бирюсинских и Караулинских пещерах. — Древности. Т. 15, вып. 2. М.
- Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В., 1994. Старобурятские погребения из бухты Хагун. — Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I—II тысячелетиях н.э. Кемерово.
- Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.). СПб.
- Инструкция, 1949. — Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. 1949. М.—Л.
- Инструкция, 1963. — Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. 1963. М.
- Карцов В. Г., 1929. Материалы к археологии Красноярского района. — Государственный музей Приенисейского края. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск.

- Кирюшин Ю. Ф., 1994.* К вопросу о энеолите и бронзовом веке Горного Алтая. — Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф., 1995.* Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул.
- Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В., Степанова Н. Ф., 1990.* Курганный могильник Верх-Еланда I в Горном Алтае. — Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Клеменц Д. А., 1891.* Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. — Записки Западно-Сибирского Отдела РГО, кн. XI. Омск.
- Колосов В. К., 1986.* Богачинская пещера — новый памятник ранней бронзы. — Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Ч. 2. Улан-Удэ.
- Коновалов П. Б., 1976.* Хунну в Забайкалье. Погребальные памятники. Улан-Удэ.
- Кочеев В. А., 1983.* Погребение II тыс. н.э. у с. Ело. — Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. Горно-Алтайск.
- Краснов Ю. А., 1989.* Раскопки грунтовых могильников. Инструкция. — Методика полевых археологических исследований. Л.
- Кызласов И. Л., 1978.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. Аскизская культура в монгольское время. — СА, № 1.
- Кызласов И. Л., 1980.* Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. — СА, № 2.
- Кызласов И. Л., 1981.* Аскизская культура. Средневековые хакасы X—XIV вв. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Кызласов И. Л., 1981а.* Древнехакасские сани. Из истории средств передвижения. — Вопросы этнографии Хакасии. Абакан.
- Кызласов И. Л., 1982.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов. — СЭ, № 2.
- Кызласов И. Л., 1983.* Аскизская культура Южной Сибири. — САИ. Вып. ЕЗ—18. М.
- Кызласов И. Л., 1986.* Новый вид погребальных памятников Южной Сибири. — Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Кызласов И. Л., 1993.* Мировоззренческая основа погребального обряда. — РА, № 1.
- Кызласов Л. Р., 1960.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов Л. Р., 1969.* История Тувы в средние века. М.
- Кызласов Л. Р., 1975.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура). — Первобытная археология Сибири. Л.
- Кызласов Л. Р., 1979.* Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX—X вв. — Известия Сибирского отделения АН СССР, сер. общ. наук, № 1, вып. 1. Новосибирск.
- Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1977.* Исследование замка в дельте Уйбата. — АО. 1976.
- Лашук Л. П., 1969.* Чудь историческая и чудь легендарная. — Вопросы истории, № 10.
- Леонова Н. Б., 1986.* Погребения каменного века. — МГУ им. М. В. Ломоносова. Учебные программы. Археология. М.
- Липский А. Н., 1949.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году. — КСИИМК. Т. XXV.
- Мажитов Н. А., 1977.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.
- Мажитов Н. А., 1981.* Южный Урал в VI—VIII вв. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Мажитов Н. А., 1981а.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.
- Максимович Г. А., Максимович Е. Г., 1981.* Пещеры и карст коралловых островов. — Пещеры. Пермь.
- Маньшагин Е. В., 1984.* Исследования погребальных комплексов неолит-бронзового века на Верхней Лене в 1982—1983 гг. — Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск.
- Мартынов А. И., Шер Я. А., 1989.* Методы археологического исследования. М.
- Маршак Б. И., 1959.* Пещера Гори-Гург близ Пенджикента. — Археологические работы в Таджикистане в 1957 году. Вып. V. Сталинабад.

- Медведев А.Ф., 1966.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. — САИ, вып. Е1—36. М.
- Минцлов С.Р., 1916.* Памятники древности в Урянхайском крае. — Записки Восточного Отдела РАО. Т. 23, 1915. СПб.
- Могильников В.А., 1992.* Хунну Забайкалья. — Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н., 1980.* Айдашинская пещера. Новосибирск.
- Неверов С.В., 1988.* История племен сросткинской культуры в VIII—XII вв. н.э. Автореф. канд. дис. М.
- Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991.* Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири. — Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул.
- Оводов Н.Д., 1980.* Характеристика остеологического материала из Айдашинской пещеры. — *Молодин В.И., Бобров А.А., Равнушкин В.Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск.
- Окладников А.П., 1949.* Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР. — КСИИМК. Вып. XXVI.
- Островских П., 1895.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894 г.). — Живая старина. Вып. III—IV.
- Охрана, 1949. — Охрана исторических и археологических памятников. Сборник руководящих и справочных материалов. 1949. М.
- Плетнева Л.М., 1990.* Томское Приобье в позднее средневековье (по археологическим источникам). Томск.
- Плетнева С.А., 1981.* Печенеги, торки, половцы. — Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А., 1983.* Раскопки бескурганных могильников средневековых кочевников. — Методика полевых археологических исследований. М.
- Плотников Ю.В., 1981.* Наконечники стрел из могильника Кызыл-Ту. — Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Положение, 1991. — Положение об открытых листах на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР. 1991. М.
- Прокошев Н.А., 1937.* Погребение на р. Чусовой. — СА, вып. III.
- Проскураков П.С., 1889.* Июсские пещеры (письмо). — Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Т. XX, № 2. Иркутск.
- Проскураков П.С., 1890.* Отчет о предварительном исследовании июсских пещер. — Там же. Т. XXI, № 4.
- Пшеницына М.Н., 1992.* Тесинский этап. — Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Седов В.В., 1983.* Раскопки славянских курганов и жальников. — Методика полевых археологических исследований. М.
- Семина Л.В., 1983.* Кристинкина пещера — памятник раннего металла Южного Забайкалья. — По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск.
- Смирнов Ю.А., 1991.* Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.
- Талько-Грынцевич Ю.Д., 1900.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья. III. — Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Т. I, вып. 3.
- Теплоухов С.А., 1929.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). — Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. М.
- Тошкова Е.М., 1978.* Традиционные черты народной культуры алтайцев. XIX — начало XX в. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.

- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
- Хороших П.П., 1928.* О составлении археологической карты Сибири. — Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. V. Отд. оттиск.
- Хороших П.П., 1949.* Неисследованные пещеры Салаира. — Природа, № 8.
- Хороших П.П., 1950.* Пещеры Хакасии. — Природа, № 5.
- Хороших П.П., 1955.* Находки в пещерах острова Ольхон. — Природа, № 11.
- Хороших П.П., 1955а.* По пещерам Прибайкалья. Иркутск.
- Хороших П.П., 1962.* Об учете и охране пещер Сибири. — Сибирское отделение АН СССР. Труды комиссии по охране природы. Вып. 1. Новосибирск.
- Хороших П.П., 1964.* Лударские пещеры. — Восточно-Сибирская правда, 29.05. Иркутск.
- Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Добровольский М.Н., 1974.* Пещеры Красноярского края. Красноярск.
- Ядринцев Н.М., 1887.* Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 году для обозрения местных музеев и археологических работ. — Записки РАО. Т. XII, вып. 1. СПб.

Содержание

Введение (Гуляев В.И., Каменецкий И.С., Ольховский В.С.)	3
<i>Гуляев В.И., Ольховский В.С.</i> Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации	10
<i>Антонова Е.В.</i> Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археоло- гические факты и исторические свидетельства (Месопотамия)	19
<i>Гуляев В.И.</i> Представления древних майя о загробном мире	31
<i>Кореневский С.Н.</i> Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древних верований)	54
<i>Гей А.Н.</i> О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы	78
<i>Ольховский В.С.</i> К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие	114
<i>Каменецкий И.С.</i> Один из факторов искажения погребального обряда	137
<i>Савченко Е.И.</i> Погребальный обряд Мощевой Балки (Северный Кавказ)	147
<i>Кызласов И.Л.</i> Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников	169
<i>Медникова М.Б., Лебединская Г.В.</i> Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений	200
<i>Козловская М.В.</i> Опыт индивидуального описания скелетных материалов на примере погребений из курганного могильника скифского времени Терновое-Колбино на Среднем Дону	217
<i>Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Ек.Е.</i> Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе (биоархеологическая реконструкция особенностей погребального обряда)	229
Список сокращений	246